

Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum
Jyväskylä 10. – 15.8.1995

Pars II

Summaria acroasium in sectionibus et symposiis factarum

Redegit

Heikki Leskinen

Curaverunt

Paavo Pulkkinen, Risto Raittila, Tõnu Seilenthal

Moderatores

Jyväskylä 1995

предложный) и пространственные отношения выражаются обычно с помощью разных предложных конструкций. В докладе выдвигается гипотеза, что падежная система ингерманландских финских диалектов Эстонии и Западной Ингерманландии стала рушиться под воздействием эстонского и русского языков. Например широко используются конструкции с послелогами (напр. *löö juures* 'на работе' *uulitsam piäl* 'на улице'), исчезает дистрибуция внутренних и внешних пространственных падежей (*suomen kieles opetettiin* 'на финском языке преподавали', *olimme kaivamistöillä* 'были на раскопках'), малоупотребительные падежи исчезают и разные пространственные отношения выражаются все чаще с помощью непространственных падежей (*tulin Lenin kraatis* 'приехали в Ленинград', *meilläkin kaikki olettim pois* 'и у нас все забрали', *yksi läksi nahkatehtaalla* 'один пошел на кожевенный завод') или даже с помощью именительного падежа (*elin siel Ust-Luga* 'жил там в Усть-Луге').

**Муза Савиярви
Йозенсуу**

ВЛИЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННЫЙ ФИНСКИЙ ЯЗЫК ИНГЕРМАНЛАНДЦЕВ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ингерманландцев, для которых финский язык служит основным языком, а русский функционально дополнительным, можно, по нашим наблюдениям, встретить крайне редко. Даже старшее поколение является, как правило, двуязычными и родной язык находится на уровне "обиходного" (домашнего языка). Для младшего поколения основным языком общения служит русский язык. Молодежь финским языком или совсем не владеет, или знает его слабо. В последнее время интерес к финскому языку возрос среди ингерманландских финнов. Финский изучают как дети так и взрослые, но принимается он уже как иностранный.

В силу исторических причин процесс влияния русского языка на разные уров-

ни финского языка ингерманландцев происходил несколько иначе, чем на языки других прибалтийско-финских народов, живущих на территории бывшего Советского Союза.

В докладе будут затронуты как лингвистические, так и социолингвистические вопросы, связанные с влиянием русского языка на современный финский язык ингерманландцев. Анализ основывается на материале, собранном полевым методом в Ленинградской области в 1993 - 1994 гг.

С. В. Соколов

Ижевск

ВТОРИЧНАЯ НОМИНАЦИЯ И ЭВФЕМИЗМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗООНИМОВ И ОРНИТОНИМОВ)

Разграничение описательных наименований от эвфемизмов является актуальной не только для удмуртского языкознания, но и для общего языкознания в целом. Эта проблема всестороннему анализу ещё не подвергалась. Известно, что описательные наименования - это результат вторичной номинации. На материале животных и птиц мы попытаемся дать отличительные признаки описательных наименований от эвфемизмов (и табу). Основой вторичной номинации являются реальные свойства предметов и явлений, а эвфемизмы возникают в результате вежливого и смягчающего обозначения какого-либо предмета и явления, а табу на основе народных верований, предрассудков. Как правило, большинство принципов номинации являются общими для многих языков родственных и неродственных систем. В основе описательных наименований лежат естественно-биологические свойства животных и птиц.

Широко представлено в различных языках описательное наименование *выпи*, вполне оправдано именуемым "водяным быком", во многих языках кролик именуется "домашним зайцем", крот - "роющей, копающей мышью" и т.д. Как показывают вышеприведённые примеры, орнитонимы и зоонимы содержат информацию о естественно-биологи-

ческих свойствах птиц и животных. Поэтому подобные наименования ошибочно относить к эвфемизмам (или к табуистическим по происхождению).

В работах по финно-угорским языкам ошибочно отнесены к эвфемизмам удмуртские *луд кеч* 'заяц', букв. 'полевая, дикая коза', *мудйсь шыр* 'крот', букв. 'роющая, копающая мышь', коми *визяорда* 'бурундук', букв. 'полосатобочий', и т.д. Эти наименования - результат вторичной номинации, основой их являются естественнобиологические свойства птиц и животных.

Инна Тимиряева

Тарту

НАЗВАНИЯ ОБРЯДОВОЙ (СВАДЕБНОЙ) ОДЕЖДЫ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Названия одежды сложились в течение длительного периода под влиянием различных факторов. В них отражается история народа, его традиции. Здесь приводится характеристика происхождения некоторых названий обрядовой, в частности, свадебной одежды - самой интересной в обрядовом плане - в марийском языке.

Аршаиш 'самотканая шерстяная лента с монетами и раковинами каури'. Ф. Гордеев возводит к общемар. **āršāi* < домар. **āršāi*кш, считая собственно марийским образованием от несохранившегося глагола *ārāi* 'украшать'. Вопреки Ф. Гордееву допускается восхождение лексемы к сарматскому источнику в виде *ār-* ~ *āraj* 'ценность'. *Венчайымы тыгыр* 'венчальная рубашка невесты'. Атрибутивный компонент представляет собой пассивное причастие с общеславянской основой; *тувыр*, *тыгыр* финно-угорского происхождения. *Вене тувыр* 'рубашка, которую невеста вышивает и шьет жениху', атрибутивная композита *вене* общемарийского происхождения. *Кавыне тувар* 'свадебное платье невесты'. По семантическому признаку можно предположить об иранском происхождении атрибутива: перс. *кавин* 'калым; приданое; бракосочетание'. *Кавыне шымакш* 'женский головной убор шымакш, кото-

рый девушка надевает в первый раз после свадьбы'. Марийское *шымакш* как название головного убора принадлежит к наследию уральского языкаосновы **sima*. *Вургенчык* 'платок, которым невеста покрыла голову'. Вопреки мнению о чувашском происхождении слова целесообразно рассматривать его как татарское заимствование. *Мелна куэштме тувыр* 'рубашка, надеваемая для выпечки блинов'. Компонент *мелна* заимствован из русского языка, компонент *куэштме* восходит к уральскому **keje*. *Ошпу*, *кашпу* 'женское украшение из серебряных монет в виде шапки'. В этом случае необходимо говорить о двух источниках заимствования: *ошпу* < чув. *хушпу*, *хошпу*; *кашпу* < тат. *кашпу*. *Шурка* 'женский головной убор', лексема - марийское происхождение.

Адольф Туркин

Таллинн

КАРЕЛО-ВЕПСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В КОМИ ЯЗЫКЕ

В настоящее время карелы и вепсы отделены от коми пространством в 1000 км и в последние столетия между ними не было непосредственных контактов. Однако в древности в течение ряда столетий - до XIV-XV вв. между коми и предками карел и вепсов существовали тесные контакты, в результате чего диалектами коми языка было заимствовано более 100 слов из вепского и карельского языков. Появление новых словарей дал нам некоторый дополнительный материал и поэтому считаем необходимым еще раз обратиться к проблеме карело-вепских и коми языковых контактов. Приведем коми слова, представляющие собой заимствования из языка вепсов и карел:

1. Сыктыв., среднесыс. *бобёнянь*, верхневич. *бобенянь*, печор. *бобё турун*, *пбчб бобёнянь* 'клевер вообще', сыктыв. *гөрб бобёнянь*, *еджыд бобёнянь* 'клевер ползучий' (Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар 1961, стр. 22); удор. *бобушка* 'одуванчик' (Краткий коми-русский, русско-коми ботанический словарь. Сыктывкар 1987,